

Алекс Грарк

ЛАРСУФА

Рассказы

Алекс Грарк
Ларсуфа. Рассказы

«Издательские решения»

Грарк А.

Ларсуфа. Рассказы / А. Грарк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503690-2

В книгу вошли наиболее читаемые рассказы автора, опубликованные им на страницах его раздела в журнале «Самиздат» в последнее время.

ISBN 978-5-00-503690-2

© Грарк А.
© Издательские решения

Содержание

ЛАРСУФА	6
– научно-фантастический рассказ —	6
НЕОЖИДАННЫЙ ЖУКОВ	13
– фантастический рассказ —	13
БАНАНЫ	16
– фантастический рассказ —	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ларсуфа Рассказы

Алекс Грарк

© Алекс Грарк, 2019

ISBN 978-5-0050-3690-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛАРСУФА

– научно-фантастический рассказ –

– 1 –

Почему-то у всех сложилось впечатление, что инопланетные тарелки – разные там НЛО, UFO – только над развитыми районами Земли появляются, особенно у объектов секретной военной техники. Кто такую чушь придумал, я не знаю и знать не хочу. С меня довольно того, что произошло в нашей всеми цивилизациями мира заброшенной деревеньке, расположенной в Сибирской низменности под городом Чугуевка. До ближайших аэродромов здесь не меньше тысячи вёрст, да и до всякой военной техники, поскольку защищать у нас некого, разве только трёх выживших из ума старух и меня, семидесятилетнего деда Степана. Задержались здесь с жильём мы только потому, что наши отпрыски бешеными темпами рванули в период обратной революции в столичный регион, а про нас не столько забыли, а, скорее всего, даже никогда и не помнили. Сидим мы, значить, на лавочках у своих четырёх домов вечерами, жуём, что за лето вырастили, и слушаем по радио всякую лабуду. И то благодаря довольно частым падениям в наших местах отработанных ступеней ракет, взлетающих где-то в Казахстане. Иногда такое шлёпается, что можно не только радиоприемники найти, но и компьютеры собрать – кто умеет, конечно. Трассы взлетающих в стратосферу ракет проходят в десятке километров от нашей крохотной деревушки, но шума от них столько, что всегда можно понять, какая мощьность взмыла в небо, а какая развалилась, до него не добравшись. Садись в повозку и через какое-то время созерцаешь, что бог тебе принёс на сей раз. Жаль, что нет у нас связи с бывальными людьми, а то могли большие деньги иметь от сбора всяческой утвари. А вот космонавтов среди обломков мы, слава богу, пока не находили, врать не буду.

Так вот, выхожу я как-то вечером махру покурить, выращенную у дома. Комары обычно от дыма моего сразу околевают, да и соседние старухи дым мой обходить стараются подальше. Мне-то что? Годков натикало достаточно, а соседкам моим по российским меркам придётся в среднем жить ещё на 12—15 лет побольше. Они ко мне заглядывают редко, только по нужде большой: подсобить по ремонтным делам – деревянный надворный туалет поправить, либо стекло вставить в доме.

Вышел я, значит, самосад запалил и затянулся в своё удовольствие. На звёзды с крылечка поглядел. Млечный путь летом яркий такой, красивый! Перевожу взгляд пониже и натыкаюсь им на низкорослого, слегка светящегося юнца в нескольких метрах от забора. Может, кто и вздрогнул бы в этот момент, но сибиряки и моряки народ бывалый, их таким не испугаешь. Сразу стал приглядываться к диковинке и понял, что ошибаюсь. Стоит недалеко от меня не пацан какой-нибудь, а самый настоящий Серый, а по-другому – розуэльский человек или ретикулянин. Или ещё как там в других странах их обзывают.

Стоит такой коротенький, круглоглазый и безносый парниша с другой планеты и не моргает даже, уставившись на меня.

«Тоже, наверное, за помощью пришёл, как и соседки,» – ещё подумал я и, шагнув ему навстречу, вышел за ограду. Но и теперь он не шевельнулся. Станным мне показалось, что собаки наши не лают, они обычно на любую живность, готовую мимо прошмыгнуть, целым хором отмечают – мёртвого разбудят. А здесь – тишина.

Ну, подошёл я к Серому, вижу, что ниже он меня на полметра будет. Спрашиваю:

– И чего пожаловали? Хлебушка попросить? Или починить чего нужно?

Вот здесь-то пришелец и моргнул совершенно неожиданно своими огромными глазами, а потом, не разжимая узкогубого рта, заявил:

– Во-первых, здравствуйте!

– Здорово, коли не шутишь! – я так всегда всем отвечаю на подобное приветствие. Из какого-то фильма давным-давно подхватил. – А что во-вторых?

– Приглашаю Вас, незнакомец, посетить наше транспортное устройство. Не возражаете?

Любопытно мне стало: пришёл ко мне Серый и на тарелку приглашает. Кстати, очень вежливо, не то, что в других странах. Передают, что там землян насильно похищают, содержат в плохих, нечеловеческих условиях, берут всякие анализы из организма.

– А где Ваша посудица? – тоже вежливо поинтересовался я, оглядываясь в нашей темени и ничего похожего на тарелку с неба не обнаруживая.

– Пойдёмте со мной! – строго сказал Серый, ещё раз моргнул, повернулся и зашагал на своих полусогнутых в сторону недалёкой речки, находящейся в самой низине нашей местности. Через пяток минут мне пришлось в изумлении остановиться, так как зрелище было потрясающее. Тарелкой такое назвать я не решился бы, скорее похоже «транспортное устройство» было на огромный сплюснутый детский калейдоскоп. И видно было, как по верхней грани в разных цветах вспыхивают движущиеся предметы неизвестного назначения. Закрытые, словно стеклом, отверстия иллюминаторов пронзительно светили в ночи и создавали эффект мощной электрической лампы, освещающей просторную поляну на нашей сибирской земле. На мой взгляд, эту картину в Сибири раньше не наблюдали, иначе слухи добрались бы и до нашей деревни.

Вокруг инородного в этих краях аппарата мотались в разных направлениях другие Серые. Похоже, действительно с посудиной произошла беда, и хозяева пытались поправить дела. Раз я понадобился, значит, не всё у них получалось. Мой проводник взял меня за руку, и сразу мы с ним очутились внутри устройства, похожего на просторную кабину космического корабля. Стены были сплошь из экранов, кнопок, клавиш и всякой диковинной незнакомой мне мешанины из разноцветных проводов.

Серый показал мне на подобие кресла, сам же сел на соседнее. Затем он положил свои слабенькие руки на панель с кнопками и сделал несколько неуловимых движений. На ближайшем экране возникла знакомая картинка: наша голубая Земля из космоса с расстояния Луны или около этого. Протянулась пунктирная линия к планете, причём перед самой Землей на конце линии образовался кружок с лучиками, скорее всего обозначивший взрыв на борту летящего аппарата. Затем на экране промелькнула картина кувыркающегося в атмосфере «транспортного устройства», постепенно замедляющего скорость и плавно соприкасающегося с поверхностью. Серый выключил экран и посмотрел на меня.

– Обещали починить! – с нажимом напомнил он, всё также не разжимая губ.

Сибиряки и моряки – народ бывалый. И уважительный к чужой беде. К тому же у меня возникло желание помочь Земле освободиться от серого рабства раз и навсегда.

– Замётано! Сейчас, только инструмент принесу...

Моментально очутился я около своей покосившейся хибары в сопровождении моего неразговорчивого спутника, слегка освещавшего своим телом дорогу. Видно, что следил он за моими действиями, почувствовал, что могу дополнительные проблемы им создать. Но мне-то наплевать было на его подозрения. Что он мог в моём инструменте разглядеть опасного для тарелки? Инструмент, как инструмент: ключи гаечные, молоток, плоскогубцы и так далее. А то, что я в карман штанов сунул потихоньку, Серый заметить не мог. Над этой штукой я трудился все последние восемь лет. Первые образцы прекрасно прошли ходовые испытания: медведи, доставлявшие мне со старухами разные хлопоты при набегах на деревню, сейчас находятся неизвестно где, начисто исчезли в неизвестном направлении. Я полагаю, сопят они где-то в другом измерении, хотя может быть их перенесло и поближе. Как-то в новостях передавали, что на станции «Южная» в Антарктиде случайно под метровым льдом обнаружили замершего сибирского косолапого. Может быть, что наш, с Чугуевки...

Так что вернулся я к транспортному устройству экипированный, как надо. Серый чувак вновь завёл меня внутрь, покопался я для отвода глаз в потрохах двигательного антигравитационного аппарата, поломку устранил и свою захваченную из дома штуковину куда нужно пригородил.

Вышел на свежий воздух, руки о тряпочку вытер, говорю Серому:

– Ну что, всё готово, взлетайте!

Смешно мне стало, когда его кругляшки при этих моих словах чуть из орбит не выскочили, видимо, не поверил сначала. Я сразу успокоил:

– Давай, запускай тачку, всё окей!

Про окей он мгновенно понял и исчез. И толкающиеся вокруг тарелки другие Серые тоже, как по команде, рванули к аппарату. Транспортное устройство на глазах пошло мелкими разводами по корпусу – так оно, наверное, со стартера заводится. Свет от него потускнел, и почувствовал я в мозгах слова благодарности:

– Большое спасибо!

– Без проблем, кушайте на здоровье! – ответил я устало и нажал заветную финишную кнопку. И стало у речки, как было всегда: темно и сыро.

Теперь про Серых почти не упоминают по радио. Куда-то, говорят, пропали. На родину подались, что ли? Я всё жду, может, какого-нибудь откопают, ну, хотя бы на той же станции «Южная»?

– 2 —

Дед Степан стоял в распадке перед деревней и снизу, набычившись, наблюдал северное сияние. В этих широтах обычно северного сияния не бывало, но Степана привела сюда обреченная старухой Изергиль – так её дразнили ещё в школе – фраза, что в распадке за околицей, у самой речки на небе по вечерам она стала замечать какое-то необычное свечение. Сначала дед Степан отмахнулся от старухи. Какого рожна, спрашивается, ей поздним вечером ходить гулять за речкой? Что она там потеряла такого, что её понесло туда, да не один раз. Разве только воспоминания о потерянной невинности? Но ведь это было настолько давно, что Изергиль скорее всего уже и забыла значение этого слова... Обычно она с двумя оставшимися соседками бродила у своего дома и рассказывала байки про внука Серёжу, который вроде бы жил сейчас где-то в Канаде и иногда присылал ей весточку. Наверное, на английском присылал, раз из Канады. По правде говоря, почта до здешних мест обычно не добиралась, за ней сам Степан и ездил в центр раз в квартал, но никогда не помнил, чтобы для Изергиль что-то было. Писали отпрыски так редко, что помри они здесь по очереди или все четверо зараз, то понятно, что на похороны никто не успеет, если вообще о них узнает. Сколько ещё таких заброшенных деревень в России образовалось – не счесть!

Степан отошёл от кедра на чистое место, продолжая смотреть вверх. Необычность странного свечения была в том, что оно напоминало расходящиеся в диаметре от центра круга цветов обычной радуги, причём последовательность цветов менялась. Интереснее всего было то, что в самой деревне свечение в небе не наблюдалось. А здесь, как будто кто-то в световую морзянку играет.

После истории с Серыми дед Степан много передумал над всякими феноменами, о которых смог узнать по радиопередачам. Жизнь в своё время помотала его: на боевом океанском корабле пришлось побывать в разных странах, посетить другие берега. Он знал несколько языков, они ему давались значительно легче, чем другим, и командиры часто этим пользовались, выбираясь на берег для приятного времяпрепровождения. Рестораны, бары, свободные девочки, до которых так охочи были боевые начальники – везде помогал Степан налаживать связи. После контузии всё закончилось, он был списан на берег, но технику, с которой имел на корабле дело, не забыл. Более того, Степан придумал и изготовил множество чудесных

устройств для разных случаев жизни, благо с неба здесь – в Сибирской глуши – сыпались любые запчасти. Однажды даже приземлился в отличном состоянии посадочный модуль с витиеватой надписью по бокам «Larsufa». Модуль оказался пуст и легко был вскрыт дедом Степаном при помощи обычной монтировки и другого подручного инструмента. Изучить пульт управления, не похожий на устройства, используемые в морских судах, для Степана не оказалось сложным. Он осторожно всё попробовал, кроме отдельно расположенной бледно-розовой кнопки, так и не поняв её предназначение. Первое время Степан просто навещал модуль на месте падения, его невозможно было погрузить на повозку даже с помощью Изергиль с подружками её же возраста. Да и повозка рассыпалась бы сразу от такой тяжести. Потом, правда, Степан добавил в конструкцию модуля некоторые внешние детали, да так удачно, что теперь на нём можно было подняться вверх на несколько километров. По горизонтали больше десяти километров в час модуль никак не хотел давать, да и это достигалось больше с помощью попутного ветра, но в перспективе Степан предполагал добавить ему резвости за счет сверхминиатюрного гравитационного двигателя.

Никто в деревне не знал, да и кого здесь могло это заинтересовать, что дед Степан уже давно в своей крохотной мастерской за ширмой в зале хозяйского дома занимается с разными приборами, собирает какие-то сложные конструкции, причём не пользуясь никакой научной литературой. С малых лет у Степана родители заметили большую тягу к технике, к разгадке всяких происшествий. Они и в военкомате попросили забрать его в морфлот, потому что в морфлоте – по слухам – самые передовые и научно подкованные люди служили. К тому же это было время расцвета ракетной техники и атомных движителей. Степан потом долго вспоминал своего папашу, особенно после случая с аварией атомной подлодки, что стояла у причала рядом с флагманом Советского флота, на котором проходил срочную службу Степан. Узкий пучок радиации вырвался через разгерметизированный отсек подлодки и, похоже, успел нанести повреждение Степану, драившему в это время палубу замечательного корабля. Полежал в госпитале Степан совсем мало. Слабый радиационный фон почему-то временами то появлялся, а то вновь исчезал при обследованиях, но врачи вначале не особенно на него отреагировали и какое-то время позволили продолжать службу. Правда, с тех пор сибиряк Степан чаще стал задумываться о строении вселенной и внутренней структуре любого вещества. Все ранее забытые знания физики с уроков в школе вновь прошли в голове ясным светом, и только теперь за них бывший школьник мог бы получить отличные оценки. Да и в любой институт мог бы поступить играючи. Но на флоте, конечно, этого никто не заметил, только старшие командиры удивлялись всякий раз, когда после посещения очередной страны Степан спокойно разбирался в чужом языке и свободно мог на нём разговаривать. Были случаи, когда Степан быстрее всех находил причину внезапно возникших на корабле неисправностей. В общем, когда его всё-таки списали на берег, проводы были вполне достойными.

«Кто же теперь нас в борделе с девочками будет знакомить?! – со слезами на глазах шепнул на прощание Степану капитан второго ранга Слепаков. – Осиротели мы без тебя...»

После возвращения в свою деревню родителей Степан не застал, медведи как-то ночью посетили их крайний дом, и соседи схоронили останки, не дожидаясь сына. Жизнь продолжалась. Председатель колхоза взял Степана в ремонтную службу МТС, где он и проработал долгие годы до самой пенсии. Жену схоронил рано из-за болезни, а дочка Антонина пулей выскочила замуж за какого-то японца, совершенно случайно забредшего в эти места с международной поисковой экспедицией, организованной Российской академией наук. После этого ни дочери, на самого японца Степан нигде не встречал, а на письма в Страну восходящего солнца ответов не последовало.

Нужно отметить, что после облучения Степан ни разу не болел, даже после несчастного случая в колхозной мастерской при ремонте трактора. Помощник не вовремя включил двигатель, техника дёрнулась и краем гусеницы наехала на правую ногу Степана. После дикой

боли Степан, не разрешивший прикоснуться к себе и отсидевшийся в каптерке, с изумлением рассмотрел, что нога осталась неповрежденной, хотя носок был полностью пропитан кровью. И если до каптерки ему помогли допрыгать на одной ноге, то после отдыха он без труда ушёл домой на своих двоих.

Поэтому не боялся Степан встреч со всякой нечистью, которой по сообщениям запоздалых газет на планете всё прибавлялось и прибавлялось. В 60-х годах просочились сведения о Розуэльском контакте в США. А затем, как плотину прорвало: пошло и поехало! Через несколько лет не стало дня, чтобы он на Земле прошёл спокойно – то разбиваются космические тарелки, то появляются красивые гигантские круговые знаки на ухоженных полях, то находят древние рисунки людей в скафандрах. Просто жить стало невозможно. Но прошло несколько десятков лет, и все к этому привыкли. К тому же в глуши Сибири все эти чудеса из радиопередач не воспринимались как истина в последней инстанции, скорее дед Степан со старухами слушали такие сообщения, как сказки для взрослых, но только без эротики. А в их возрасте эротика только вызывала досаду.

Дед Степан покачал головой, отгоняя беспричинно нахлынувшие воспоминания, ещё раз взглянул на пульсирующее сияние и показалось ему, что центр сияния находится не очень высоко над землей. Он подумал сразу про модуль, перемещённый в свое время на окраину деревни – как раз за огородом его дома. В принципе, можно попробовать поднять аппарат в воздух и добраться до источника в небе, поглядеть, что там, да как.

Как только рассвело, Степан пошёл к модулю, проверил готовность к взлёту, заложил в специальную камеру продукты на неделю: не знал, как дело может обернуться, всегда нужно НЗ иметь.

Модуль «Ларсуфа» был произведён, по всей видимости, в какой-то экзотической по отношению к Сибири стране, может быть, в Иране или в Израиле. А может быть, вне Земли? В наше время многие страны работают над аппаратами для космических исследований, хотя чаще всего дело до конца довести не хватает ума. И как модуль мог попасть в эти места – дед Степан не догадывался. Попутным ветром такие вещи принести не может. Вот если только мощный торнадо где-то слямзил такую необычную вещицу, но и торнадо обычно теряет энергию через десяток – другой километров. Так что всё это было неспроста и до разгадки феномена было очень далеко.

Уже поздним вечером, погрузившись на борт, Степан запустил двигатель. Модуль оторвался от земли, низко прошёл до знакомого распадка со свечением и стал медленно подниматься вверх. Погода была летняя, тёплая и ощущения у Степана оставались нормальными – тревога отсутствовала. Череда цветов над головой усиливалась, и примерно на высоте лёгких облачков изумлённый Степан достиг намеченной цели. Модуль как бы вошёл внутрь какого-то пространства, откуда не видно было ни Земли, ни неба. И свечение исчезло. Остановив двигатель, Степан внимательно оглядел возникшее непонятно откуда закрытое пространство, но сразу ничего не понял. Вверх, вниз, вправо, влево простиралась слегка опалесцирующая оболочка неизвестного назначения. Никаких ориентиров видно не было. Внезапно Степан почувствовал слабую вибрацию модуля и, приглядевшись повнимательнее, заметил...

– Не может быть! И какая нелёгкая меня сюда понесла?!

Теперь уже явственно было видно, что опалесцирующий «мешок» сжимается. Попробовав рычаги модуля, Степан убедился, что всё работает, но даже при небольшом снижении «Ларсуфа» начал как бы барахтаться в вязком пространстве, не находя силы пройти через него.

Итак, круг замкнулся! Сибиряк представил себя чёрной мышью в светлом ящике с острыми шипами: двигаться можно, но лучше не шевелиться.

Предположений возникло множество. К примеру:

– мечь Серых за прошлогодний случай с тарелкой, попавшей в аварию;

– испытание нового гравитационного оружия одной из продвинутых стран; такие всегда используют малозаселённые просторы планеты, не взирая на принадлежность территории к другому государству – всегда есть отмазка в неисправности аппаратуры, несовершенстве технологии;

– настоящее вторжение инопланетян, что составляет мизерную долю вероятности.

Больше всего у Степана возникало мыслей о модуле. Откуда этот «Ларсуфа» возник и нет ли здесь связи с последующими событиями.

Между тем модуль уже начал увязать в приближающейся мерцающей пустоте пространства. Внутри ничего не происходило. Запаса кислорода должно было хватить на несколько дней. Дед Степан сидел в очень неудобном кресле и постепенно засыпал...

Он вновь проживал в ускоренном темпе события своей жизни, перед лицом мелькали родители, дети, старики и салаги с флагмана Военно-морских сил Союза, старуха Изергиль с вечно перекошенным ртом и ещё две его соседки – Лариса Печальная и говорливая Клавдия. Вся жизнь и последнее его пристанище – деревенька под Чугуевкой – уходили навек из памяти.

* * *

Очнулся Степан при свете звёзд. Он лежал навзничь на мягком ковре из трав, ничто его не беспокоило, не тяготило, дышалось легко и свободно. Были какие-то смешанные чувства облегчения от мирской жизни, от того кошмара, который, видимо, уже закончился. Он резко поднялся – и сразу включилось Солнце. Хотя... Солнцем это светило назвать было нельзя. От Солнца оно отличалось оранжевым оттенком и огромной величиной – почти на полнеба. Оно отслужило своё и готовилось к взрыву – о таком исходе Степан знал, в свое время запоем читал научно-популярные труды академика Шкловского.

Под ногами действительно была мягкая трава – только голубоватого цвета, а невдалеке от Степана выселись небольшие строения, похожие некоторым образом на жилые дома, но простирались они до самого горизонта. Оглянувшись, Степан нашёл взглядом одинокий, сильно отличавшийся от всего остального, свой транспортный аппарат. Буквы на нём на сей раз сияли ярко под лучами светила, но были те же: «Larsufa». Ветер отсутствовал, было непривычно жарко и влажно, словно в тропиках Земли. Среди строений никакого движения не ощущалось. Похоже, он попал в мёртвый мир, скорее всего, давно покинутый хозяевами.

Степан поднял к глазам руку и не удивился, он ожидал что-нибудь подобного: она не была морщинистой! Его организм чувствовал прежнюю молодость, чувствовал себя не старше, чем двадцатипятилетним... Где-то он читал, когда-то очень давно: в старой книге всё это называлось капсулой времени, он проник сюда по воле хозяев этого мира, каким-то образом связанными с Землей, с Солнечной системой, и теперь у него не было шансов самому повлиять на ситуацию. Наверное, пришли последние денёчки жизни...

«Хоть молодым помру!» – подумал Степан и побрёл по траве к модулю – он захотел есть. В модуле ничего не изменилось, только бледно-розовая кнопка насытилась кроваво-красным оттенком.

Пожевав немного, Степан изучил своё лицо в маленьком зеркальце, взятым на модуль из дома. Действительно, он был теперь очень молод, пора по новой в морфлот на службу. За бортом по-прежнему было тихо, всякое движение отсутствовало, даже светило, похоже, не перемещалось по небосклону. Наверное, здесь был вечный день. Такое в просторах космоса бывает, об этом Степан тоже знал. Ему совершенно неинтересны были строения неподалеку, ему хотелось домой – на матушку Землю. Но что для этого следовало сделать, он не знал. Посидел в кресле с полчаса, подумал. И нажал красную кнопку... Как говорится: была не была!

* * *

Информация в Интернете и в теленовостях была очень краткой: «В Сибирском городе Чугуевка произошло явление, похожее на прошлогодний взрыв болида над Челябинском. Сила

взрыва была такова, что от района ничего не осталось. Государственная комиссия приступила к изучению обстоятельств трагедии. Пока выживших не обнаружили».

НЕОЖИДАННЫЙ ЖУКОВ

— фантастический рассказ —

Мы всегда считали Максимку Жукова из 3-го «Б» немного свихнутым. То у него папа куда-то пропал на несколько дней, то старший брат вместо армии очутился в далекой Грузии и очень долго его оттуда не могли вернуть из-за событий в Северной Осетии. С самим Максом тоже бывали непонятные истории, о которых неделями говорили в школе. Хотя он и учился в параллельном классе, то есть был нашего возраста, но мои одноклассники с Жуковым не дружили, а зачастую давали ему хорошего тумака. Да и как не дать тумака парню, который однажды на перемене уставился в окно и простоял так все десять минут, а на уроке заявил у доски, что видел у дома напротив школы шикарный «Мерседес», из которого вышла Алла Пугачева с Галкиным и свернули в нашенький Салон красоты. И это у нас в занюханном Хрюпорекке! Не слушая учителя, все сбежали с урока смотреть на улицу и, конечно, никакого «Мерседеса» никому не посчастливилось увидеть. В нашем городе кроме двадцать раз перекрашенного «Запорожца», принадлежащего директору школы, в то время других машин отродясь не было. Но новость разнеслась очень быстро, а Макс от своих слов не отказался, даже божился. Здесь ему и врезали по шее достаточно крепко наши Ван и Вася – крепыши, сидящие на Камчатке в моём классе. Удивило всех, что Жуков даже не обиделся, а молча стерпел. Хотя куда ему было деваться, не за папенькой же домой бежать, которого как раз тогда куда-то черти унесли, и не за старшим братом, который из Тбилиси на попутных возвращался.

Хрюпорекк наш насчитывал не более двух тысяч жителей, имел из достопримечательностей только дом престарелых, маленькую церквушку, прилегающее с севера кладбище, да нашу школу, где училось на удивление много народу. Правда, некоторые по два-три года в одном классе науки познавали, да ещё с окрестных деревень детишек временами набиралось много. А когда была сильная пурга или трескучие морозы, то школа выглядела просто пустынной, по ней бродили несколько пацанов с ближайших домов и три толстые разноцветные кошки из хозблока.

Я закончил учиться вместе с Максимом Жуковым, и выпало нам в районном центре поступить вместе на химический завод, производящий всякие вонючие удобрения. Не очень приятная, скажу я вам, работа, но жить как-то надо было, и родителям требовалось на питание что-то посылать. С ихней пенсией, которую председатель правительства постоянно и уверенно увеличивает, можно было дать хорошего дуба, а мы старались своих поддерживать, хотя зарплату платили не всегда, однажды даже выдали мешками, заполненными этими погаными удобрениями. Мы долго не знали, что с ними делать, но, когда запах под окном общежития сильно усилился и соседи перестали скрывать свои намерения насчет нас, я сходил к одному очень продвинутому городскому деятелю Нодару Гольдфарбу, начинающему в те дни свой малый бизнес с отходами производства. И, как ни странно, здесь нам с Максом крупно повезло. Деятель откопал древнего профессора из самой Москвы, который примчался, получив образцы нашей случайной зарплаты, плотно запечатанные в целлофановый пакет. Он долго и радостно ходил вокруг кучи удобрений, причём иногда как бы приплясывал. Мы взирали на удивительное зрелище из окна до тех пор, пока профессору не стало дурно, и он на эту кучу упал мордой вниз. Поднялся переполох, оказывается за москвичом наблюдали не только мы, но и другие жители, а также пригласивший профессора деятель Гольдфарб. На следующий день ни нашей заоконной зарплаты, ни весёлого профессора, ни самого Гольдфарба мы не увидели. И что самое интересное – с того дня мы их больше вообще никогда не встречали, но перед контактом с основной массой протухших удобрений профессор передал нам с Мак-

сом довольно изрядную сумму денег, которая с лихвой компенсировала все наши недомолвки с заводом удобрений. С той поры завод наш стал работать очень прибыльно, и зарплату всегда выдавали своевременно.

Но рассказ мой всё же не об удобрениях. Пришло время, и мы переженились, получили по квартире и частенько заходили друг к другу в гости со своим горячительным и допоздна распевали на все лады песенки про президента и его окружение. Телевидение и Интернет раскрывало нам всё шире глаза на обстановку в стране и бывших странах социалистического содружества. Мы, как и все наши соседи, а также работники нашего вонючего предприятия до хрипоты спорили о том, когда было жить лучше: при Сталине или при Ельцине, что хорошего и плохого привнесли в нашу жизнь Чубайс с покойным Гайдаром, спорили о том, в какой последовательности будут меняться в Кремле Путин и Медведев, оставит ли Лукашенко своего младшенького президентом Белоруссии после себя, глубже ли засадит следующий президент Украины Виктора Януковича в тюрьму, то есть переплюнет ли он действия предшественника по отношению к Тимошенко или Янукович успеет слинять из страны и получит другое гражданство. О чём мы только ни спорили в этом далёком от столицы городе. И ещё мы время от времени возвращались к новым чудачествам нашего Максима Жукова. Давно закончились школьные годы, а у Макса время от времени повторялись инциденты, которые всегда были неожиданными и приводили в величайшее изумление наш районный центр.

Ярким летним утром мы вдвоём шли по центральной улице к заводу, смена была последней на этой неделе, предполагалась в субботу лёгкая прогулка наших семей на речку с изготовлением шашлыков и истреблением некоторого количества спиртосодержащих изделий. Короче, мы предвкушали насыщенный славными событиями следующий день, но не забывали и о том, что сегодня ещё необходимо изрядно потрудиться во славу нашего городского гадюшника. Затем около часа смывать его отвратительные запахи в заводской душевой, а уже после этого тихой походкой пойти домой, по дороге налиться чешским пивом «Козел» и купить запасы всякой всячины для завтрашних событий. Однако событие произошло совсем иного рода. После смены Макс исчез. Никто из ребят не смог мне подсказать, в каком направлении он испарился, и я пошёл домой один весьма опечаленный. Дома Жуков появился только в двенадцатом часу ночи, на лбу имел приличный фонарь, а одежда была настолько грязной и местами порванной, что ни мне, ни жене Макса не хватило духу сообщить ему всё, что о нём думаем. Я позвал свою супругу Клаву, и мы вчетвером уселись на кухне у Жуковых, глаза наши были обращены к Максиму, но он долго молчал. Тогда я стукнул кулаком по столу и крикнул на него:

– Рассказывай, в рот-сики-усики! А то мы сейчас покинем тебя и это будет навсегда, – надо отметить, что подобные выражения чаще всего производили на Макса желаемый эффект, он как-то терялся и раскрывался полностью. Конечно, мы ему никогда не верили, а жена Луша просто-напросто принимала свои личные меры перевоспитания фантазёра – мужа, например, оставляла его без вкушения радостей своего пышного тела минимум на неделю, либо заставляла Макса спать на балконе, закрыв ночью шпингалеты, отчего ему приходилось справлять малую нужду ночью непосредственно с пятого этажа, на что весь дом уже давно не удивлялся, знали люди, что хозяин верхней квартиры вновь попал в непонятную историю.

– Опять ведь не поверите! – наконец выдохнул Жуков, переводя взгляд с меня на Лушу. Всегда добрая Клава, сочувственно покивала и попросила:

– Ничего! Поверим или нет, говори, открой душу...

Ну, в общем-то ничего необыкновенного на сей раз не произошло. Просто прямо из цеха, где Макс синтезировал самые пахучие компоненты удобрений, его похитили инопланетяне. У нас на Земле это в порядке вещей, мы даже не удивились.

– Страшные были? – поинтересовался я. – Или так себе?

Макс на меня очумело посмотрел и промолчал. Женщины меж тем сразу начали вспоминать, когда и сколько человек уволокли инопланетяне в Америке в прошлом году и сколь-

ким удалось вернуться. Далее Макс уже более нормальным голосом рассказал, как он очутился в компании зелёных человечков в летающей тарелке, как его пытались анализировать и как ему удалось сбежать. Обычная история. Кто такое не слышал?

Вот месяцем раньше Максуду удалось внезапно побывать на Кубе и встретиться с очень уже плохим Фиделем Кастро. Такое, насколько я слышал, удалось только ему одному. Фидель передал нам всем большой коммунистический привет и бутылку кубинского рома. Отсутствовал в тот день Жуков более полусуток. Луша вся извелась и то и дело прибегала к нам жаловаться на непутевого мужа, и мы её каждый раз утешали. Поэтому во время появления мужа Луша уже ничему не удивлялась, поскольку была изрядно навеселе. На следующий день мы вчетвером искушали ром Фиделя, и все помирились.

А ещё годом раньше наш неповторимый приятель побывал на Совете Федерации, когда его впервые вела Матвиенко. От впечатлений того дня Макс был вынужден взять больничный и очень долго переживал за будущее России. Чем его там перепугали – только богу известно, нам он пересказать побоялся. Интересно, что некоторые его вояжи заканчивались совсем неожиданно, хотя непонятно, каким образом он мог повлиять на события в стране и в мире. Так после одного исчезновения Жукова был отправлен в отставку губернатор нашего края и через неделю на него завели уголовное дело за крупную взятку – ну, сейчас это с губернаторами в порядке вещей, удивляться тоже нечему! – а в другой раз также неожиданно помер олигарх Березовский. Я даже вёл специальную тетрадь, где отмечал хождения нашего героя и проводил аналогии с параллельными событиями. Совершенно мне непонятно, повлияла ли отлучка Макса в дни кризиса на Корейском полуострове. Был – по его словам, конечно, – Макс на приеме у японского императора, который явно испугался желания северокорейского лидера сбросить ядерную бомбу на Токио. Однако, после возвращения Жукова к своим удобрениям, корейцы в Пхеньяне занялись срочной подготовкой к посевной, побросав оружие.

Самое страшное испытание выпало на нашу долю в последние дни, потому что Максим Жуков после исчезновения два дня назад признался, что встречался с потомками марсиан на Луне в каком-то кратере миллионы лет погасшего вулкана, и они ему показали на атласе Солнечной системы необозначенный пока земными астрономами астероид диаметром пятьдесят пять километров, который летит по орбите, пересекающейся с орбитой нашей голубой планеты, к которой я как-то уже очень привык...

БАНАНЫ

— фантастический рассказ —

Когда Петровича ближе к осени турнули с работы, ему до пенсии оставалось ещё больше восьми лет. И он ходил очень расстроенный и всё время галдил жене, что, наверное, удавится. Люся к тому времени работу ещё не потеряла, ежедневно убиралась в столовой общеобразовательной школы в центре города и по-всякому утешала Петровича: боялась, что правда однажды, придя со школы домой, увидит его на кухне или в зале, подвешенным за горло вместо люстры. Одной жить-то ей казалось скучным. В пятьдесят лет на баб мужики особенно не кидаются, а без мужской ласки жить ей тоже не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.